

Фрида Вигдорова

ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 82.31
ББК 84 (2=411.2)6
В41

Вигдорова, Фрида.

В41 Вигдорова Ф. Дорога в жизнь / Вигдорова Фрида. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — («Родом из детства»).

ISBN 978-5-17-164477-2

Фрида Вигдорова (1915–1965), журналистка и писательница, начинала свой путь с учительства, и поэтому не случайно и в ее статьях, и в ее книгах одной из главных стала тема детства, воспитания, педагогического труда.

«Дорога в жизнь» — это повесть, открывающая трилогию («Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка») о работе в детском доме Семена Карабанова и его жены Гали. Книги эти не документальные, но основаны они на реальном материале — педагогической деятельности Калабалиных. Калабалин — ученик А. С. Макаренко, прототип Карабанова из его книги «Педагогическая поэма». Вигдорова сохранила своему герою его «литературное» имя.

В повести «Дорога в жизнь» рассказывается о начале самостоятельной работы Карабанова в Березовой Поляне — детском доме для трудных детей под Ленинградом. «Трудные» — дело происходит в начале 1930-х годов — это дети, хлебнувшие улицы, бывшие беспризорники — недоверчивые, строптивые и обиженные жизнью. Они требуют внимания и любви. Большинство детей, фигурирующих в повести, не списаны с натуры, а «выдуманы» писательницей, но воспринимаются как живые.

УДК 82.31
ББК 84 (2=411.2)6

ISBN 978-5-17-164477-2

© Вигдорова Ф., наследники, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2024.

Дорогу осилит идущий
Китайская мудрость

I. РАЗВАЛ

За окном вагона тянулись заводские окраины Ленинграда, потом — безлистные, скучные рощи, поля, покрытые грязноватым мартовским снегом. Я смотрел на все это, слушал погромыхиванье колес на стыках, а внутри в такт постукивало одно: скорее! скорее!

Наконец — Березовая поляна. За стволами берез, за черными голыми ветками сквозило серое небо, тропинка под ногами была скользкая и грязная, а я невольно подумал: до чего же хорошо здесь будет весной!

Но вот кончилась роща, и передо мною — широкая поляна, огороженная высоким дощатым забором. Посреди поляны — большой, в три этажа, дом с башней, построенный просторно и красиво, но белая краска давно облупилась, стены грязные, облезлые. У входа — будка, но и в будке и вокруг — ни души. Я прошел на территорию детского дома. Здесь было так же пустынно. Взглянул на часы — уже двенадцать. В школе? В мастерских? — подумалось мне. Подошел к дому, поднялся по широкой лестнице и открыл первую попавшуюся дверь. В большой комнате с высоким потолком стояли в ряд кровати, кое-как покрытые серыми одеялами. На некоторых лежали подушки без наволочек. Я хотел уже уйти, но тут в дальнем углу что-то зашевелилось. Я обернулся. Из-под одеяла вылез паренек лет одиннадцати. На совершенно грязном, почти черном лице его светились прозрачно-серые глаза. Одна нога у парнишки была босая, на другой — новый черный башмак.

— Здравствуй, — сказал я.

— Здравствуйте, — простуженно прохрипел он.

— А где остальные?

Помедлив, он ответил неохотно:

— В городе, где же еще?

— А где твой другой башмак?

Он снова замялся.

— Карты? — спросил я.

Вместо ответа он прикрыл глаза.

Я удивился:

— Почему не оба сразу?

— Ну... а вдруг еще отыграюсь? — В голосе его звучала робкая надежда.

— Как тебя зовут?

— Петька... Кизимов Петр...

Я прошел по другим спальням — кое-где на кроватях спали ребята. Один — в новеньком сером костюмчике; лицо у него было тонкое, светлые волосы, маленький рот. Потом я спустился, походил по пустым комнатам, заглянул на кухню. От сердца немного отлегло: в огромной плите весело трещал огонь, на столе высилась гора посуды — двое ребят мыли ее в большом чане. На скамейке сидела пожилая женщина и чистила картошку. Еще один паренек помогал ей. Едва я открыл дверь, все обернулись. Ребята перестали работать, а нож в руках женщины задвигался вдвое быстрее, и, кажется, даже полоска картофельной шелухи затрепыхалась сердито.

— Здравствуйте. Где у вас тут заведующий?

— Во флигеле налево, — недружелюбно сказала женщина, не отвечая на приветствие.

Ребята молчали и с любопытством разглядывали меня.

— Ходят тут... а толку... — услышал я за своей спиной.

Неподалеку от дома на покосившихся столбах висела волейбольная сетка. Непонятно: на дворе март, грязь, слякоть — кто же сейчас играет в волейбол?

Я пошел к флигелю, постучал в дверь. Никто не отзывался. Постучал сильнее.

За дверью послышались шаркающие шаги, щелкнула задвижка, и на пороге появилась женщина с заспанным, помятым лицом. Голова у нее была пестрая: соломенные крашеные пряди, а у неровного пробора волосы черные. Неопрятный халат запахнут криво, на светлом чулке видна черная штопка.

— Где у вас тут заведующий? — спросил я.

— Я заведующая.

— Мне некогда шутки шутить, я спрашиваю: где заведующий детским домом?

— Да какие шутки, гражданин? Я же вам говорю — я заведующая! — уже с раздражением повторила женщина.

И тут случилось то, чего я обычно боюсь: я «потерял тормоза». В ушах зашумело, в груди стало тесно и жарко.

— Так вот: с этой минуты вы не заведующая, — прошипел я сквозь зубы, чувствуя, что еще секунда — и начну орать на нее.

Каким-то краем сознания я понимал, что слова мои нелепы: я не имею никакого права снимать ее с работы. Но даже если бы я только что не видел замызганных кроватей без простынь и грязного Петьку в одном башмаке, если бы я увидел только ее в этом халате и светлых чулках, заштопанных черными нитками, этого было бы достаточно: я готов был жизнь свою положить на то, чтобы ее тут же, немедленно, убрали отсюда.

Через три минуты я шагал по тропинке к станции, скрипя зубами, задыхаясь от ярости.

Если ребенок растет в плохой семье — это несчастье. Если он учится в плохой школе — это худо. Но если он живет в плохом детском доме — это страшнее всего. Детский дом для него все: и семья, и школа, и друзья. Здесь возникают его представления о жизни, о мире, о людях, здесь он растет, учится, становится человеком и гражданином. И детский дом не может, не имеет права быть средним, «неплохим». Он непременно должен быть очень хорошим.

Воровство — всегда гнусность и преступление. Но воровство в детском доме — это преступление неискупимое, за которое нужно наказывать самой суровой, самой полной мерой. Здесь государство доверило воспитателю детей, лишенных родителей. Красть у этих детей — что может быть подлее?

Я ни минуты не сомневался в том, что здесь, в доме за высоким забором, крали без зазрения совести. Здесь даже не пытались создать видимость какого-либо благополучия. Все было ясно и откровенно. Одного только я не мог понять: как такое происходит неподалеку от Ленинграда, да не в двадцатом году, а сейчас!

Возвратившись в Ленинград, я прямо с вокзала пошел в гороно и, несмотря на неприятный час, прорвался в кабинет начальства.

— Очень прошу, — сказал я с места в карьер, — дайте мне детский дом для трудных в Березовой поляне.

— Этот дом — тяжкий укор нам, — ответил мне Алексей Александрович Зимин, инспектор гороно. — Ведь, знаете, до Кирова дело дошло. Велел немедленно навести порядок.

Зимин сидел за большим, заваленным бумагами письменным столом и внимательно посмотрел мне в лицо, когда я ворвался в кабинет.

Он ничем не выразил ни удивления, ни досады, предложил сесть, но я довольно невежливо отмахнулся:

— В тридцать третьем году! Под Ленинградом! Я глазам своим не поверил. Да как вы терпите?

— Что и говорить, под боком развелось такое безобразие, а у нас все руки не доходили. Там уже третий заведующий. Один был месяца два — освободили: безвольный человек и работу свою не любил. Другой все время проводил в Ленинграде — у него тут семья и квартира. А эта заведующая...

— Об этой мне можете не рассказывать. Эту я сам видел.

— Да... Без глаза был дом. Дома для трудных — они всегда на десятом плане. Наладить тяжело, а развалить долго ли? Вот и развалили. А какие средства отпускаются, сами знаете. Огромные средства. Безобразия, что и говорить. Там есть одна воспитательница, Артемьева. Она в отъезде сейчас, у нее отец болен. Но она человек дельный и давно не дает нам покоя.

— Мало она не давала вам покоя. Разве так надо было?

Зимин сделал вид, что не слышал моих последних слов:

— Так что ж, из всего виденного вы выбрали именно этот дом?

— Я ничего больше не успел повидать. Очень прошу...

Он протянул мне бумагу — приказ заведующего Ленинградским отделом народного образования гласил: «Ввиду полного развала воспитательной и хозяйственной работы и совершенного отсутствия данных к восстановлению нормальной работы детский дом для трудновоспитуемых № 60 закрыть».

— И это, по-вашему, значит навести порядок? — сказал я. — Подождите закрывать. Дайте мне хоть три месяца...

Я ушел от Зимина, унося в кармане приказ: меня назначали заведовать детским домом в Березовой поляне.

— Обещаю вам, — сказал на прощанье Зимин, — я теперь за этот дом возьмусь. Самых лучших воспитателей

пришлю, вот попомните мое слово. У меня такой есть на примете преподаватель по труду...

— У меня память хорошая. Я попомню.

В тот же день я написал обо всем в Харькове Антону Семеновичу.

2. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Как я понял в первый же день, обычно все ребята из детского дома, несмотря на забор и проходную будку, с утра уходили в город. Возвращались к вечеру, чтобы поесть и переночевать. Но сейчас почти все были налицо. Как-никак, любопытно: что за новый заведующий, с чего он начнет?

Я не стал устраивать официальную встречу. Ходил, заглядывал во все щели и закоулки, на ребят не смотрел. Они держались на почтительном расстоянии и тоже делали вид, что не интересуются мною. Единственный человек, который следовал за мной неотступно, должно быть, по праву первого знакомства, был Петька Кизимов. Он по-прежнему щеголял в одном башмаке и не столько шел, сколько прыгал на одной ножке, потому что шлепать босой ногой по мартовской снежной каше не бог весть как приятно. Но и Петька не вступал со мной в разговоры. Он двигался вприпрыжку, сохраняя дистанцию шагов в пять-шесть, при этом выражение лица у него было загадочное и неприступное.

Мы попали в спальню, где шло пиршество. Вокруг одной из кроватей сгрудились ребята. Один рвал на куски круг копченой колбасы, другой, которого я заметил раньше, красивый, хорошо одетый, оделял всех ломтями белого хлеба. Некоторые, уже получив свою долю, жадно ели. Когда я вошел, все посмотрели в мою сторону, потом, словно по команде, отвернулись. Я прошел по комнате, проверил оконные рамы и перед уходом открыл форточку.

Переступая порог, я услышал за спиной философское замечание:

— Чистый воздух любит.

Я заглянул в мастерскую. Инструмент, должно быть, растащили без остатка. По крайней мере, мне не удалось обнаружить ни одного рубанка, ни одной стамески. Потом

я подошел к сараю, отворил дверь — здесь, в грязи и запустении, одиноко стоял громадный, приземистый бык.

— И как это он тут с голоду не подох! — сказал я в пространство.

— Его Подсолнушкин кормит, — тоненьким голосом откликнулось пространство.

Я обернулся. Все-таки, совершая свой обход, я незаметно оброс добровольной свитой: за спиной Петьки прятался худенький веснушчатый мальчуган с раскосыми глазами зайчонка; должно быть, это он сказал про Подсолнушкина.

Путешествуя дальше, я вдруг услышал отчаянный вой.

— Зарежусь! Все равно зарежусь! — вопил кто-то.

Я вопросительно поглядел на Петьку и другого своего спутника. Они тоже остановились и испытующе смотрели на меня. Я пошел на крик.

— Это в изоляторе... Коршунов, — просипел позади Петька.

Я подошел к небольшому флигелю, из которого слышались крики. В сенях у окна, лениво развалившись на скамейке, сидел странно одетый человек: брюки снизу были подвернуты, иначе они волочились бы по земле; непомерно широкий пиджак висел, как балахон. Человек неторопливо дымил папироской. Криков он, казалось, просто не слышал.

— Откройте-ка, — сказал я.

Не вставая со скамейки, он щелкнул замком, и я вошел в небольшую квадратную комнату — больничный изолятор. Здесь стояли две койки, белый шкаф со стеклянными дверцами и две табуретки, тоже выкрашенные белой масляной краской. У стены стоял мальчишка лет двенадцати, который, увидев меня, так и замер с открытым ртом.

— Чего ты кричишь? — спросил я.

— А чего меня тут держат? — Мальчишка с крика сразу перешел на разговор и отвечал спокойно, даже с достоинством. И вдруг снова завизжал: — Не хочу в детдоме! Сказали, на двое суток, а чего не выпускают?!

— Не хочешь жить в детдоме?

— Не хочу!

— Так зачем живешь?

Мой спокойный вопрос его озадачил, и он опять понизил голос:

— Так меня забрали...

— Кто тебя забрал? Воспитатель? Заведующая?

— Милиция.

— Значит, ты сидел дома, читал книжку, а милиционер пришел и забрал тебя?

— Хо! Дома... Не дома, а на базаре.

— А, понимаю: ты пришел на базар за покупками, а тебя милиционер забрал?

— Да не за покупками...

— Ах, не за покупками? Ну, вот что: убирайся отсюда.

— Куда?

— Куда хочешь. Всем надоело и опротивело, что ты тут вопишь. Уходи.

Не испуг, не злость — величайшее недоумение отразилось на его лице.

Неловко, боком он попятился к двери.

Не обращая внимания на человека в слишком длинных брюках и слишком широком пиджаке — он по-прежнему сидел у окна, покуривал, щурился и тоже демонстративно не замечал меня, — я вышел во двор.

Постепенно ребята стали кружить около меня на все более близком расстоянии. Кроме Петьки и мальчугана с глазами зайчонка, за мною следовали еще человека три-четыре, в том числе и Коршунов. Другие то и дело появлялись в отдалении справа, слева, отставали, забегали вперед. Потом их пути все чаще стали невзначай скрещиваться с моими. Со всех сторон на меня с вызовом и любопытством смотрели чьи-то глаза. Наконец один парнишка, подойдя поближе, спросил:

— Вы будете у нас заведующим?

— Не знаю. Очень уж мне не нравится ваш хлев.

Мальчишка со всех ног кинулся к спальням. Торчавшие в окна головы скрылись. Я знал: там сейчас будут обсуждать мои слова.

Каждый, кто сталкивался со мной, считал своим долгом немедля сообщить обо всем товарищам. Что ж, пусть. Пусть придумывают, как отвечать, пусть уговариваются отразить приступ — они живые люди, они задеты. Они собираются отстаивать свою «независимость» — ладно! Добытое в борьбе всегда ценнее.

Поздно ночью, когда в доме все угомонилось, я прошел по спальням и посмотрел на ребят при свете тусклой электрической лампочки. Я заглянул в лицо каждому спящему.

Обычные детские лица, только на них и во сне лежала тень тревоги и усталости.

Осторожно ступая на носки, я пошел к двери. И вдруг позади, в дальнем углу, снова, как в первый мой приход сюда, что-то шевельнулось. На крайней постели приподнялась чья-то лохматая голова. Большие блестящие глаза смотрели на меня. Это был Петька.

— Спи! — сказал я шепотом. — До завтра.

Лохматая Петькина голова раза три кряду кивнула мне и опустилась на локоть. Подушки у Петьки не было.

3. «МЫ ВСЕ КОМАНДИРЫ!»

Назавтра по звонку на подъем никто не поднялся — видно, это было не в обычае. Ребята спали. Только к завтраку они закопошились и стали выползать из-под одеял. Я заходил в каждую спальню и громко говорил:

— Вставайте! Стройтесь во дворе! Быстро!

Они выходили во двор вовсе не из готовности исполнить приказание. Им было любопытно: что же дальше? Они стали не строем, а беспорядочной толпой, и ясно было: иначе стоять не умеют. Одни смотрели пытливо, настороженно, другие насмешливо, третьи недоброжелательно. Но незаинтересованных, равнодушных лиц я не увидел.

— Познакомимся, — сказал я. — Меня зовут Семен Афанасьевич...

Я не успел договорить. Произошло что-то неожиданное и непонятное: раздался пронзительный свист, толпа дрогнула — и вдруг все до единого кинулись к дому. Несколько секунд я стоял в недоумении и смотрел, как они удирают — без оглядки и почти бесшумно, только все тот же пронзительный свист снова и снова резал уши. Потом, сам не знаю почему, я обернулся и увидел... быка. Не разбирая дороги, низко пригнув свирепую морду с кольцом в носу, он неся по опустевшей поляне. Врѣзался в волейбольную сетку и стал рвать ее рогами, слепо и злобно вскидывая головой. Комья снега и мерзлой земли летели у него из-под копыт.

Раздумывать было некогда. Я кинулся к быку и с размаху ударил его ногой в нос. На мгновение он ошалело подался назад. Я обежал его и, схватив за хвост, погнал к сараю.

Захлопывая за быком широкую дверь сарая, я услышал дружный топот: теперь вся орава ребят бежала ко мне. Я утер пот со лба, подошел к крыльцу и сел. Ребята нерешительно остановились в трех шагах и, перешептываясь, подталкивая друг друга, смотрели на меня.

— Ка-ак вы его здорово! — вдруг сказал кто-то.

— Он знаете какой? Он лошадей на рога поддевает!

— Он одного Подсолнушкина слушается!

Постепенно те ребята, что были поближе, усаживались рядом на ступеньки. Другие, продолжая стоять, обступали нас все теснее. Кто-то дотронулся до моего плеча. Кто-то опять и опять нараспев повторял:

— Ка-ак вы его здорово!

— А у нас в деревне какой бык... — сказал тощий, нескладный парнишка в рваном пиджаке.

— А у нас была корова бодучая — еще позлее всякого быка, — доверчиво сообщил уже знакомый мне худенький мальчик с раскосыми глазами зайчонка.

У каждого в запасе оказалась своя история — не про свирепого быка, так про бодучую корову.

Но ведь и мне было о чем порассказать, недаром я с десяти лет пас у помещика стадо в селе Сторожевом, на Полтавщине. Вот там был бык так бык: огромный, с налитыми кровью глазами. Гаврила его звали.

— А наш...

— Нет, куда ему до Гаврилы. Тот однажды...

Рассказываю им про Гаврилу, про белую корову Зорьку, которая всегда шла впереди стада и неизменно обещала на завтра ясный день. Рассказываю о том, как в тринадцать лет я, пастушок из захудалого села, впервые увидел на большом украинском шляхе автомобиль. С перепугу я сперва так и повалился лицом в землю, а потом, должно быть, с полверсты бежал вслед за автомобилем и крестился на отпечатки шин в пыли.

— Ох, и темный был народ! — со снисходительным удивлением вполголоса произносит кто-то.

Оборачиваюсь — Коршунов, тот самый. Ага, не ушел!

Разглядываю ребят. Давно не мытые лица подвижны и веселы. Вот сейчас и взять их за живое. Бык — быком, он мне невольно помог, этот бык. Хорошо, что так легко удалось с ним справиться, хоть удивляться тут и нечему —

я и в самом деле не забыл еще своей пастушьей практики, а силы у меня теперь побольше, чем было, когда я пас помещичье стадо. И вдруг в голову мне приходит: бык... да сам ли он вырвался из сарая? Может, кто-нибудь выпустил его? Неужели... Кто из них мог это сделать? Я оглядываю ребят. Но некогда думать об этом сейчас...

— Плохо вы живете, — говорю я.

— Плохо, — соглашаются они без малейшей горечи.

— Вот ты спрашивал меня вчера, буду ли я тут заведующим. Я ходил, смотрел, думал. И решил: это зависит от вас. Да, от вас, — повторяю я в ответ на поднявшийся гул голосов. — Потому что я ни за что не соглашусь жить в такой грязи, в такой гадости.

— А мы что? Разве мы виноваты? — обиделся паренек, сидевший рядом со мной.

— Да кто же виноват? Кто виноват, что ты сегодня не умывался и вот сидишь передо мною чумазый? А вон ты — кто виноват, что у тебя нет ни одной пуговицы на штанах и даже понять нельзя, как они на тебе держатся? Или вон Петька: скачет в одном башмаке. Кто проиграл его второй башмак — я, что ли? Или кто-нибудь из воспитателей? Кто виноват, я спрашиваю? И кто виноват, что вы трусы?

— О-о! Трусы? Это мы трусы? — крикнуло сразу несколько голосов.

— Да, да, трусы! Забыли, как испугались быка? Удирали, как зайцы! Нет, если вы хотите, чтобы я остался у вас, все должно перемениться.

— Да чего делать-то?

— А вот я скажу, что делать. Олени по тайге идут — у них есть вожак. Самолеты летят в воздухе — у них есть ведущий. В семье — отец, на заводе — директор. Ну, а у вас? Старшим у вас буду я. Но этого мало. Мне нужны помощники. Были у вас до сих пор ответственные? Командиры?

— Мы все командиры! — крикнул кто-то за моей спиной.

Я не обернулся.

— Ладно, тогда вы все командуйте. Я буду рядовым. Ведите меня, распоряжайтесь мною, налаживайте мою жизнь. Но жить так, как вы сами сейчас живете, я не хочу. Ни один человек, хоть немного уважающий себя, не станет

жить по-вашему, да, пожалуй, еще поколотит тех, кто его заставит так жить. Нет, ребята, глупости вы бросьте.

— Семен Афанасьевич, — очень серьезно сказал худой смуглый паренек с широко расставленными темно-кариими глазами, — мы будем делать, как вы скажете. Только нам командиров не надо. Командирам всегда блат — они и лопать первые, им и одежда получше.

— Это не командиры, а жулики! — сказал я. — Командир, как я это понимаю, прежде всего — ваш же товарищ. Он не съест куска, пока не накормит всех, не наденет штанов, пока все не будут в штанах. Это от вас зависит. Вы друг друга знаете. Выберите самых лучших, самых честных — настоящих товарищей, а не жуликов... Сейчас идите все завтракать, уже поздно. А после завтрака построить ся на поляне!

Ребята бегом кинулись в столовую. Но... нет, не все убежали. Человек шесть-семь остались на ступеньках крыльца. Они не такие, как все, они не бегут — самолюбие не позволяет. Их не заботит, оставят ли им позавтракать, — они выше этого.

— А вы уверены, Семен Афанасьевич, что у нас будет хорошо?

Это спрашивает серьезный, кареглазый, тот, что говорил про командиров.

— А ты?

— Не знаю.

— Как твоя фамилия?

— Жуков.

— А звать?

— Санька.

— Так вот, Александр, запомни: у нас в доме будет хорошо. Непременно будет. А теперь ведите меня в вашу столовую.

...После завтрака они с грехом пополам выстроились у главного здания. И теперь я уже не беседовал с ними — я холодно, твердо сказал им, чего я, новый заведующий, от них требую и чего жду.

— Предупреждаю вас честно: я ненавижу расхлябанность, воровство, лень и глупость. Ничего несбыточного вам не обещаю, но уверен: мы будем жить хорошо — работать, учиться, играть. Чем больше и дружнее мы потрудим-

ся, тем быстрее настанет для нас хорошая и чистая жизнь. Сегодня же мы решим, как лучше наладить нашу жизнь, чтобы она была разумной, не свинской. Тех, кто согласен вместе со мной бороться с грязью, воровством и ленью, прошу выйти вперед и стать вот здесь. Кто не хочет — оставайтесь на месте.

Строй дрогнул. Минута нерешительности. Вышли Саня, Петька, Коршунов, еще секунда — и пошли все. На месте остался один, рослый и длиннорукий, с ярко-рыжими вихрами; веки толстые, словно припухшие, и в них глаза-щелочки.

— Это честно. Как твоя фамилия?

— Нарышкин.

— Чего ты хочешь, Нарышкин?

— Хочу уйти из детдома.

— Иди. Желаю тебе, чтобы ты не погиб, чтобы тебя не искалечила никакая беда, а если от грязи заболеешь коростой, чтоб кто-нибудь тебя вылечил. Вот кто тебе ума даст — не знаю. Иди.

В полной тишине Нарышкин направился к проходной будке. Я не стал смотреть ему вслед.

— Так вот, — продолжал я, — у нас пять спален. На первое время решим: каждая спальня — отряд. Можете называть это группой, ватагой, но, по-моему, отряд лучше. Пусть каждый отряд выберет себе командира. Командир должен составить список своего отряда — имя, фамилия, сколько в школе учился. Каждый отряд должен выбрать еще и санитаря. Санитар составит заявку — сколько не хватает в отряде матрацев, одеял, простынь, подушек. И предупреждаю: никаких карт. Если что-нибудь из кладовой или из кухни пропадет — второй выдачи не будет. За карты — самое строгое наказание...

Логики в моей речи не было, я выхватывал главное, самое неотложное, и уверен — они отлично понимали меня.

— А еще нужно... — Петька поперхнулся, покраснел, видно сам ужасаясь собственной храбрости, но все же докончил: — еще нужно дежурных по спальням, чтобы ничего не пропадало.

— Да пропадать-то уж нечему, — возразил я. — Разве вот двери с петель не снял бы кто.

По рядам пробежал смех, но я оборвал его словами: